

An abstract painting featuring a large, textured orange spiral on the left side, resembling a sun or a galaxy. To the right, a couple is depicted in silhouette, embracing. The woman's long hair is blowing in the wind. The background is a mix of blue, white, and orange textures, suggesting a sky or a sea. The overall style is expressive and emotional.

Татьяна
Белова

**И мы
увидели
солнце**

Татьяна Белова

И мы увидели солнце

«Автор»

2026

Белова Т.

И мы увидели солнце / Т. Белова — «Автор», 2026

Его зовут Сельджу, он – джагг, от рождения до смерти его путь – тьма, сквозь мрак искать воду, рыть всё новые и новые тоннели, дробя камень, уходя вглубь и никогда не смотреть вверх. Не смотреть туда, где Неба нет. А потом он увидел её...Он шагнул к ней, сердце грело сильнее, чем обычно и на каждый его шаг падало куда-то вниз, в ледяные пятки. Сельджу глянул на поднятое к нему лицо.Зрачок растекался, как клякса, голубая с потёками ярко синего и синева эта затопила комнату вместе с его головой. Нет, нет, нет, одёрнул себя джагг, и попятился. Нельзя смотреть, а то чего доброго поверишь, что небо есть...

© Белова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

0.0	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Татьяна Белова

И мы увидели солнце

0.0

Душный, густой воздух, она шла по нему, как по канату, одна среди сотни одинаковых и одиноких, укутанных в запах, фарфоровых кукол; она открыла глаза и посмотрела вниз, в узенькую щель, как в замочную скважину, и увидела его.

Люк, ржавые металлические прутья решётки. Упираясь спиной и ногами в сырую каменную кладку, он висел над мутной желтоватой от извести водой. Он не знал, сколько сможет так провисеть, но никогда не отказывал себе в испытаниях. Сбежать из родной темноты, чтоб хоть одним глазком глянуть на торжественную процессию. Сначала долго привыкать к яркому электрическому свету, щуриться, смахивать разъедающие слёзы, мотать головой, будто блохастый Каа, а потом увидеть.

Столбы неоновых светов, удерживающие на своих прозрачных плечах голубой синтетический экран-купол; он навсегда усвоил — неба нет. Небо — это то, что сотворили люди, а не бог. Именно их дети шествовали сейчас по отполированной до блеска поверхности моста. Изумрудная эмаль его жила и двигалась, как река.

Процессия девушек, закутанных в синий свет и белое молоко мягкого шёлка, из темноты подземелья напоминала брошенную по ветру узкую ленту, что терялась высоко в складках сияющего города.

Тишина, колокольчики и пряный, густой воздух, а девушки всё идут, шаг в шаг, как по канату, одинаковые и одинокие, укутанных в запах.

Новый мир держался на каждой из них, как миф на трёх китах, они — Арнии.

Будущие матери будущих матерей.

Мышцы ныли, боль маленькими черными муравьями пробегала под кожей. Он чувствовал укусы, но, не в силах оторвать взгляда от процессии, продолжал висеть. И вот потянулись провожающие — юнии, маленькие, с золотыми кудряшками, в белых длинных платьях, они шли медленно, с закрытыми глазами, мерно вдыхая и выдыхая. Он знал, они видят запах, так же твёрдо, как-то, что неба нет.

Это знал каждый в его мире.

И тут он увидел её, она чуть наклонила голову, на один удар сердца позже сделала шаг, и он понял — она видит его. Видит его запах. По телу прошла горячая волна паники, он дёрнулся и сорвался вниз, с гулким плеском ушёл под воду, вынырнул, люк всё так же ярко светился, но идущая процессия больше не отбрасывала тень.

Он сплюнул воду, рассмеялся своему страху, подплыл к бортику и вылез из воды.

Любопытная юна, посмеявшаяся пренебречь правилами, никогда не осмелится никому рассказать о любопытном джагге.

На том и стоят их три кита.

Каждому своё.

Ему тьма, ей — свет.

Ему земля, ей — воздух.

Ему зрение, ей — обоняние.

Мы — муравьи — прокладываем тропы сквозь темноту подземного мира. И мы расскажем тебе эту историю. Слушай. Или смотри. Как умеешь.

Его зовут Сельджу, он — джагг, от рождения до смерти его путь — тьма, сквозь мрак искать воду, рыть всё новые и новые тоннели, дробя камень, уходя вглубь, и никогда не смот-

реть вверх. Не смотреть туда, где неба нет. Удивительно, что именно джагги, не покидающие темноты, наделены самым острым зрением из всех ныне живущих.

Сельджу молод, но удачлив, на его шее красуется ожерелье из тринадцати мелких, но острых зубов Матушки Варны. Пусть твоё воображение не рисует старую сморщенную старуху, бросающую зубы в пустой колодец с просьбой о лёгкой смерти, Матушка Варна — наш заклятый враг, муравьед. Каждый джагг почтёт за честь отметить свой год охотой на Варну и тем самым почтит наш муравьиный род. Мы — нить, отыскав которую, можно выйти из самого запутанного лабиринта тоннелей.

Сельджу удачлив, но любопытен, и хотя его грудь защищает чешуйчатые пластины пойманных им панголинов, внутри он уязвим.

Каждый раз он пробирается кротовой норой в самое сердце нашего Дома, без страха ложится на гладкий, помнящий предков камень и ждёт...

Юный джагг помнил, что всегда искал, но никогда не помнил, что именно. Снова и снова возвращался он в холодный тупик, ложился и смотрел вверх, в узкую темноту неровного тоннеля, в конце которого для него горел свет. Он лежал и грезил, а мы — рыжие муравьи — тем временем покрывали его тело.

Кожу жгло, но джагг терпел, ему нужен был наш запах.

Он терпел боль и считал звёзды, которых никогда не видел, обнимал солнце, чувствовал его жар в себе, он хотел верить, что оно есть.

Но в тот день всё изменилось.

Согревшись, джагг отряхнулся, размял мышцы и ловко полез вверх, цепляясь за щели в каменной кладке. Совсем скоро лицо его обожгло холодным воздухом, это был знак, юный джагг остановился, вытянул руку и нащупал рёбра решётки, подтянулся, перенёс вес и замер. Теперь он видел в прорези тускло освещённый полукруглый зал, откуда-то Сельджу знал, что он называется библиотекой. Ровные ряды высоких шкафов гладкими пластиковыми позвонками упирались в потолок, он видел светящиеся корешки и изумрудную вязь букв.

Внизу, словно муравьи, цепочками перемещались юнии, кто-то сидел, опустив голову над сияющей поверхностью стола. Изумрудная вязь висела в воздухе, невесомая и хрупкая паутина. Юнии читали, трогая буквы руками, трогая руками воздух. Здесь не было ни одного миллиметра шершавой, настоящей, остро пахнущей бумаги, которой пользовались когда-то люди. Всё в этом зале имело природу воздуха, иллюзии, информация в единицах и нулях. Сельджу помнил, что так было не всегда. Он не мог, но помнил и запах бумаги, и краски, что чернила были и синие, и чёрные, и зелёные, и красные, и что они оставляли кляксы и умение писать по бумаге — искусство.

Джагг висел долго. Свет погас, последние посетители покинули зал, но изумрудная вязь на корешках продолжала рассеивать мрак. Когда дверь с щелчком закрылась и воцарилась тишина, Сельджу выждал пару ударов сердца и, держась лишь одной рукой, второй стал вынимать решётку. Он делал это уже не в первый раз, и теперь получалось быстро и тихо. Повесив решётку на крюк, он свесился в пустоту и стал спускаться в завораживающий его, чужой мир.

Он всегда делал одно и тоже, бережно проводил рукой по гладкому зеркальному боку стола, садился, откидывался на спинку стула, которая в момент обтекала его со всех сторон, как вода, а потом медленно набирал слова на светящейся перед ним панели. Текст вспыхивал перед ним, буквы и символы перемигивались и подпирали друг друга. Сельджу улыбался, наклонялся вперёд, будто желая понюхать, но воздух и свет ничем не пахли. Слегка постукивало где-то на самой грани слышимости, где-то там, за стенами из этих букв, спал Город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.